МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ

НОРМАТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГОВ О ПСИХОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

А.А. ФЁДОРОВ
Новосибирский государственный университет

В статье изложены результаты исследования, в котором изучались нормативные представления российских психологов о психологической науке в контексте постнеклассической научной рациональности. Всего в исследовании приняли участие 404 психолога из всех федеральных округов России. Они отвечали на опросник, состоящий из 20 пунктов, в отношении которых нужно было выразить степень своего согласия/несогласия по 7-балльной шкале Ликерта. Полученные результаты рассматривались в их связи с возрастом, полом и ученой степенью респондентов, а также психологической школой и типом рациональности, к которым они сами себя относят.

На основе полученных данных была построена формативная модель нормативных представлений о психологии, в которой в качестве конструкта второго порядка выступает общий фактор «нормативной постнеклассичности», положительно связанный с эпистемическим релятивизмом и отрицательно – с эпистемическим реализмом. Также нормативная постнеклассичность оказалась положительно связана с моральным релятивизмом.

Полученные результаты не позволяют говорить о том, что в российском академическом психологическом сообществе психология рассматривается как наука, которая должна быть постнеклассической дисциплиной. Выделены два нормативных представления, свойственные большинству психологов, согласно которым психология должна, во-первых, развивать полипарадигмальные подходы и, во-вторых, стремиться к строгости терминов. Установлено, что у мужчин уровень нормативной постнеклассичности несколько ниже, чем у женщин. Респонденты, относящие себя к классической научной рациональности, в большей степени, чем остальные, согласны с тем, что психология должна ориентироваться на естествознание, а респонденты, относящие себя к постнеклассической научной рациональности, – с тем, что психологии следует развивать полипарадигмальные подходы и методологическую толерантность. Определено, что нормативные представления о психологии связаны с возрастом и ученой степенью респондента, в частности, чем старше психолог, тем в меньшей степени он полагает, что психология должна развивать идеи о конструировании реальности или ориентироваться на естествознание. Наконец, установлено, что уровень нормативной постнеклассичности также связан с психологической школой, к которой относит себя респондент, при этом наивысший уровень этого показателя характерен для представителей психоанализа.

Ключевые слова: нормативные представления, постнеклассическая научная рациональность, релятивизм, реализм, формативная модель, психологическая школа.

Один из «вечных» вопросов психологии заключается в том, какой наукой она должна быть (и должна ли быть наукой вообще). Как правило, дискуссии, связанные с этим вопросом, разворачиваются в предметном поле философии науки и относительно редко переходят в плоскость квантитативного эмпирического изучения нормативных представлений самих психологов о психологии[1]. Например, в

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00715.

[1] Здесь мы выносим за скобки исследования, посвященные изучению представлений *студентов*,

одном из немногих таких зарубежных исследований авторы отмечают, что помимо их собственной работы им известно только одно относительно крупномасштабное исследование, в котором изучались представления психологов о психологической науке (Dawda, Martin, 2001). Бóльшая часть изысканий в данной области имеет квалитативный характер, причем часто эти представления рассматриваются в более широком контексте в рамках интервьюирования известных психологов (Cohen, 1977; Evans, 1980). Заслуживает отдельного упоминания книга «Знаменитые психологи о психологии», вышедшая под редакцией словенского психолога Вида Печьяка, в которой представлены ответы 76 влиятельных психологов на ряд вопросов, охватывающих среди прочего и их представления о психологии (Pečjak, 1982).

Отметим также, что за последние несколько лет в России вышла серия публикаций, посвященных изучению социальных представлений российских психологов о будущем психологической науки, в которых представлены как результаты количественных исследований (Нестик, Журавлев, Юревич, 2016; Нестик, Новикова, 2019), так и тексты интервью с авторитетными психологами (например: Зимбардо, Нестик, 2017). Безусловно, нормативные представления о том, какой должна быть наука, и представления о ее будущем не тождественны друг другу, однако связь «образа будущего» и «образа должного» весьма вероятна и, очевидно, заслуживает отдельного исследования[2].

В исследовании Д. Доды и Дж. Мартина (Dawda, Martin, 2001) на выборке из 306 членов Американской психологической ассоциации были изучены теоретико-философские представления, касающиеся вопросов проведения психологического исследования. Часть этих представлений носила дескриптивный характер (т.е. относилась к тому, какой наукой психология является, например: «Психология является естественной наукой и во многом похожа на физику»), а часть – нормативный/прескриптивный (например: «Междисциплинарный диалог в психологии должен вестись более интенсивно»). На основе теоретического и факторного анализа им удалось получить 13 групп представлений, однако 4 из них представлены всего одним утверждением, а еще 3 характеризуются низкой внутренней согласованностью. Исследователи установили, что представления о психологии связаны с отраслью, с которой ассоциируют себя респонденты, их полом и возрастом, при этом в ряде случаев эти факторы взаимодействуют друг с другом. Так, женщины демонстрируют меньшую приверженность экспериментальному методу и бóльшую убежденность в важности политических факторов в исследовании. Если говорить о взаимодействии факторов, то, например, в области экспериментальной или клинической психологии бóльшая уверенность в возможности построения единой психологии характерна для мужчин, а в теоретико-исторической или консультативной психологии – для женщин. Наиболее заслуживающим внимания результатом сами Д. Дода и Дж. Мартин называют то, что психологи, вопреки некоторым качественным или теоретическим исследованиям, не демонстрируют всеобъемлющего натурализма, редукционизма и наивного эмпиризма.

Стоит также отметить, что большая часть утверждений в их опроснике носит дескриптивный характер, поэтому позволяет оценить то, какой психологи видят свою науку, но не то, какой она, по их мнению, должна быть. Согласно же принципу,

---

изучающих психологию, о психологии как науке (см., например: Friedrich, 1996) или как будущей профессии.

[2] Так, можно предположить, что отношение к будущему психологии зависит от того, каков «зазор» между предполагаемым будущим и должным состоянием.

получившему название «гильотина Юма», из дескриптивных суждений нельзя вывести прескриптивные, поскольку между ними нет логического следования. Так, из представления о том, что психология *является* естественной наукой, вовсе не следует, что она *должна* таковой быть, как и из представления о фрагментированности психологического знания не следует тезис о том, что ее следует преодолевать.

«Нормативный образ науки» можно выстраивать в контексте различных теоретических моделей типологизации научного знания, и в данном исследовании в качестве таковой была выбрана модель, предполагающая выделение трех типов научной рациональности: классического, неклассического и постнеклассического. Выбор этой модели, однако, связан не с ее эвристичностью и адекватностью реальному научному процессу, а с ее популярностью в российской академической среде. Так, во введении к сборнику статей ведущих отечественных методологов психологии последняя характеризуется как наука, вступившая на постнеклассическую стадию развития (Журавлёв, Юревич, 2007). Учитывая это, было принято решение сосредоточиться на нормативных представлениях, описывающих различные аспекты постнеклассической психологии. Таким образом, целью настоящего исследования является изучение нормативных представлений психологов о своей науке в контексте постнеклассической научной рациональности.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалы. Нами был составлен опросник, состоящий из 20 пунктов (см. Приложение). 10 утверждений касаются представлений о психологии, 9 из них имеют нормативный характер, 1 – дескриптивный. Они были сформулированы на основе признаков постнеклассической рациональности в психологии, выделенных М.С. Гусельцевой (2013, с. 156–159). Пункты были сбалансированы: 5 из них представляют собой утверждения с положительными «ключевыми» ответами, 5 – с отрицательными. Ответы давались по 7-балльной шкале Ликерта от 1 (полностью не согласен) до 7 (полностью согласен).

Поскольку предшествующий анализ показал, что постнеклассическая психология опирается на релятивизм (Фёдоров, 2020), было выдвинуто предположение, согласно которому нормативные представления о психологии как постнеклассической науке должны быть связаны с принятием релятивистской позиции. Для его проверки были сформулированы 5 утверждений, которые касаются общих представлений о научном знании в контексте философской дискуссии о релятивизме и реализме в науке (Boghossian, 2006; Bunge, 1993). 3 утверждения отражают релятивистскую позицию, 2 – реалистическую.

Оставшиеся пять пунктов играют вспомогательную роль и не связаны с представлениями о психологии или научном знании. С одной стороны, они выполняют функцию буферных утверждений. С другой стороны, К. Герген, социальный конструкционизм которого часто рассматривается как один из образцов постнеклассической рациональности, указывал на важность разграничения эпистемического и морального релятивизма, поскольку из эпистемологической релятивистской установки не следует принцип «все дозволено» (Gergen, 1985). Таким образом, оставшиеся 5 пунктов служат для проверки тезиса об отсутствии связи между моральным релятивизмом и нормативными представления о психологии как постнеклассической науке. Они формулированы так, что 3 из них соответствуют моральному релятивизму, а 2 – моральному реализму (Forsyth, 1980; Pölzler, 2018).

Выборка и процедура. В качестве генеральной совокупности (ГС) была взята

база авторов, входящих в Российский индекс научного цитирования, для которых основная рубрика публикаций соответствует тематическому направлению «Психология». На момент проведения исследования в эту ГС входили 10 181 человек. Статистический анализ показал, что для получения достаточной выборки в этом случае необходимо опросить не менее 370 человек, что соответствует доверительной вероятности 95% при доверительном интервале погрешности ±5%. В исследовании Д. Доды и Дж. Мартина из тех психологов, которым был направлен опросник, ответили 31%. Предполагая на основе этого показателя возврат ответов в диапазоне 20–30%, мы случайным образом отобрали из ГС 1600 человек. Для каждого из них идентифицировался электронный адрес. Как правило, его удавалось получить из текстов статей либо из информации, представленной на веб-сайтах организаций, с которыми аффилирован человек. Для 48 человек установить электронный адрес не удалось. Еще шестерых человек на момент проведения исследования не было в живых. Кроме того, в выборку были добавлены 63 психолога, электронные адреса которых были дополнительно получены с веб-сайтов организаций во время поиска информации о людях, входящих в первичную случайную выборку. Все они также входили в базу авторов РИНЦ по тематике «Психология». Таким образом, итоговая выборка включала 1 609 человек (73% женщин, 27% мужчин), которым направлялось электронное письмо с приглашением принять участие в исследовании. В нем сообщалось, что исследование направлено на изучение представлений российских психологов о том, какой должна быть психологическая наука, при этом не конкретизировалось, что нормативные представления о психологии сформулированы в контексте постнеклассической рациональности. Помимо этого собиралась информация о поле, возрасте, ученой степени, федеральном округе, исследовательских интересах, а также о том, к какой психологической школе и к какому типу научной рациональности относит себя сам респондент.

Приглашение отправлялось дважды с интервалом 10 дней. 68 писем вернулись с сообщением, что данный электронный адрес не существует. Всего ответы на вопросы исследования были получены от 404 человек, что составило ≈ 26% от писем с корректным электронным адресом. Основные характеристики выборки представлены в табл. 1.

Анализ. Обработка полученных данных проводилась с помощью трех статистических пакетов. Для построения и оценки формативной модели нормативных представлений о психологии использовалась программа *SmartPLS 3*. Остальной статистический анализ проводился в свободных средах *JASP 0.11.1* и *jamovi 1.2*. Использовались описательные статистики, ANOVA, критерий Краскела–Уоллиса, попарные апостериорные сравнения (критерий Тьюки и тест DCFS), t-критерий Стьюдента, U-критерий Манна–Уитни, критерий Уилкоксона, оценка размера эффекта (*d* Коэна) и корреляционный анализ (ρ Спирмена и рангово-бисериальный коэффициент).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Формативная модель нормативных представлений

Как правило, в психологии и психометрике латентные переменные интерпретируются с реалистической точки зрения и рассматриваются как причины, детерминирующие ответы испытуемых. Если постнеклассическая рациональность концептуализируется подобным образом, то мы должны считать, что именно она побуждает испытуемых отвечать определенным образом, например, соглашаться с тем, что в психологии следует развивать идеи о конструировании реальности,

Таблица 1

Основные характеристики выборки

Характеристика	Категория	N	%
Пол	Мужской	118	29,2
	Женский	286	70,8
Возраст, лет	Младше 35	72	17,8
	35–44	110	27,2
	45–54	102	25,3
	55–64	67	16,6
	65 и старше	53	13,1
Федеральный округ	Центральный	187	46,3
	Сибирский	48	11,9
	Северо-Западный	45	11,1
	Приволжский	42	10,4
	Южный+Северо-Кавказский	36	8,9
	Дальневосточный	25	6,2
	Уральский	21	5,2
Ученая степень	Без степени	62	15,4
	Кандидат наук	259	64,1
	Доктор наук	83	20,5
Тип научной рациональности* (самоотнесение)	Нет	174	43,1
	Классическая	69	17,1
	Неклассическая	44	10,9
	Постнеклассическая	117	28,9
Психологическая школа (самоотнесение)**	Гуманистическая	47	20,3
	Культурно-историческая	38	16,4
	Когнитивная	34	14,7
	Деятельностная	33	14,2
	Психоаналитическая	17	7,3
	Остальные	63	27,1

Примечание. * Категория «Нет» означает, что при ответе на вопрос о том, к какому типу научной рациональности он мог бы себя отнести, респондент выбрал ответ «Не считаю данную типологию продуктивной».

** Указаны данные только для тех респондентов, кто указал одну школу (N = 232). Отметим, что термин «школа» в исследовании используется нестрого и рассматривается как близкий к понятиям «подход», «метатеория», «направление».

и не соглашаться с тем, что психологи должны стремиться к поиску общей теории. В этом случае ответы испытуемых, имея общую причину, должны коррелировать друг с другом, а психометрическая проверка шкалы «нормативной постнеклассичности» осуществляться с помощью стандартных процедур, включающих проверку надежности, использование факторного анализа и пр. С нашей точки зрения, подобная концептуализация является разновидностью категориальной ошибки (Райл, 1999). «Постнеклассичность» – это не некая реальная сущность, а скорее категория нового уровня, вербальная конструкция, которая синтезирует в себе диспозиции, обладающие концептуальным единством. Иными словами, логика

рассуждения в данном случае становится обратной: не человек соглашается с определенными утверждениями, поскольку он является носителем «постнеклассической рациональности», но мы говорим о том, что человек представляет постнеклассическую рациональность, поскольку он демонстрирует определенные диспозиции, которые выражаются в том, что он соглашается с одними утверждениями и не соглашается с другими. Индикаторы такой латентной переменной, не имея общей причины, не обязаны коррелировать друг с другом, как это принято в традиционной модели. В этом смысле усредненный показатель группы утверждений представляет собой некую цифровую фикцию, которая упрощает наши наблюдения, но также приводит к потере части информации. Как указывают Д. Борсбум с соавторами, такая логика рассуждений, инструменталистская по своей природе, лучше совмещается с формативными, а не с классическими рефлексивными моделями (Borsboom, Mellenbergh, van Heerden, 2003).

Учитывая это, мы построили модель нормативных представлений о психологии, в которой все латентные переменные имеют формативную природу. Итоговая схема приведена на рис. 1.

При проверке модели использовался подход повторных индикаторов (*repeated indicators approach*) в комбинации с двухстадийным подходом. Оценка модели, где формативными являются латентные переменные и первого и второго порядка, предусматривает оценку конвергентной валидности, коллинеарности между индикаторами и уровня значимости внешних весов (Sarstedt et al., 2019). Для оценки значимости коэффициентов использовалась непараметрическая процедура бутстрэппинга, количество бутстрэп-выборок было равно 5 тыс. Утверждения 1 и 5 не вошли в модель, поскольку уровень значимости их внешних весов был больше 0,05, а их внешние нагрузки меньше 0,5. Для всех

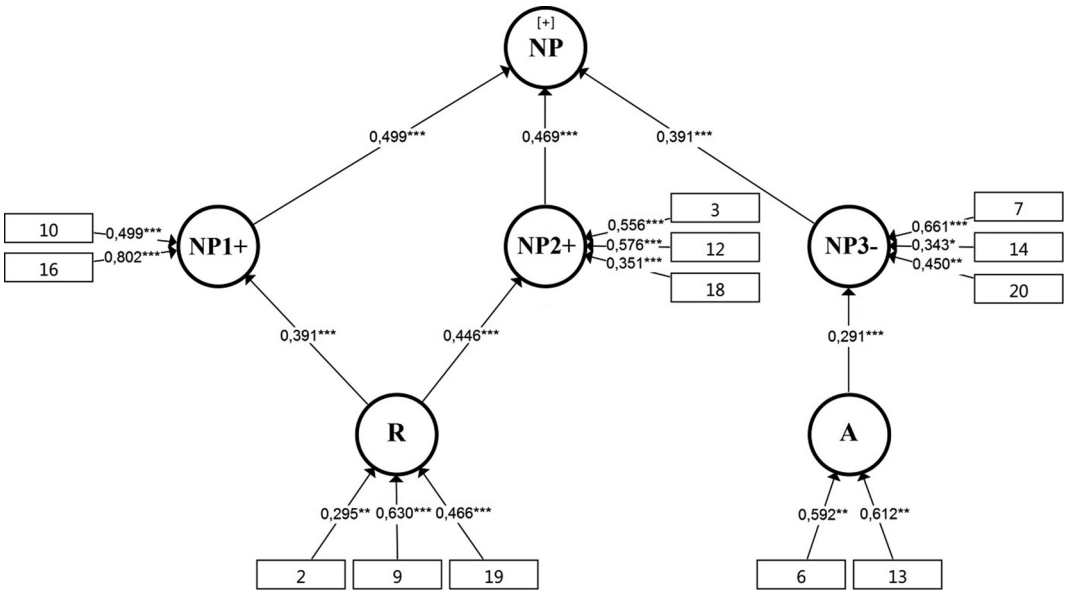

Рис. 1. Формативная модель нормативных представлений о психологии с внешними весами и путевыми коэффициентами (* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$). Для факторов NP3- и A ответы на утверждения обращены

остальных индикаторов внешние веса значимы.

Оценка конвергентной валидности осуществлялась по методу известных групп. Все респонденты делились на две группы на основе того, относят они себя к представителям постнеклассической рациональности (N = 117) или нет (N = 287). В качестве зависимой переменной выступали нестандартизированные значения латентной переменной NP (*latent variable score*). Между группами получены значимые различия (t = 3,96, $p < 0,001$) со средней силой эффекта (d Коэна = 0,44), что свидетельствует о конвергентной валидности латентной переменной NP.

Коллинеарность индикаторов в модели также отсутствует, для всех индикаторов VIF не превышает 1,31 ($VIF_{max} = 1,305$, утверждение 16) при критическом значении 5 и выше.

Поскольку вошедшие в фактор NP утверждения характеризуются концептуальным единством, его обобщенный показатель можно рассматривать в качестве меры «нормативной постнеклассичности», т.е. чем этот показатель выше, тем более характерно для человека убеждение, что психология должна быть постнеклассической наукой. Нормативная постнеклассичность тем выше, чем выше степень *согласия* с утверждениями 3, 10, 12, 16 и 18 (факторы NP1+ и NP2+) и чем выше степень *несогласия* с утверждениями 7, 14 и 20 (фактор NP3-). При этом с нормативной постнеклассичностью положительно связана степень согласия с релятивистскими утверждениями (фактор R: 2, 9 и 19) и отрицательно – степень согласия с реалистическими утверждениями (фактор A: 3 и 6). Стоит отметить, что факторы A и R между собой оказались не связаны.

Дальнейший анализ и интерпретация данных проводились как по отдельным утверждениям, так и по обобщенному показателю NP.

Факторы нормативных представлений о психологии

Если смотреть на общий показатель NP, то нельзя сказать, что в российском академическом психологическом сообществе психология рассматривается как наука, которая должна быть постнеклассической дисциплиной ($\bar{x}_{NP} = 3,99$, $SD_{NP} = 0,82$)[3]. Фактически, из всех показателей только фактор A, обобщающий реалистические утверждения, значительно отклоняется от срединной точки ($\bar{x}_A = 5,46$, $SD_A = 1,16$). Иными словами, российские психологи в целом согласны с тем, что мир познаваем, существует независимо от нас, а наука постепенно движется ко все более полному и истинному пониманию мира.

Большая часть респондентов (43,1%) рассматривают типологию научной рациональности как непродуктивную. Среди тех, кто отнес себя к одному из типов научной рациональности, преобладают сторонники постнеклассицизма (≈ 29% от всех респондентов и ≈ 51% от тех, кто выбрал один из трех типов рациональности), но даже у них уровень нормативной постнеклассичности весьма невысок ($\bar{x}_{NP} = 4,26$, $SD_{NP} = 0,79$).

Если говорить об отдельных утверждениях, наибольшего интереса заслуживают те, мода которых существенно смещена к одному из полюсов (т.е. равна 1, 2, 6 или 7), а общий процент «отрицательных» (1, 2, 3) или «положительных» (5, 6, 7) ответов выше 50%. Утверждения, удовлетворяющие этим условиям, приведены в табл. 2.

Интересно, что половина из этих утверждений относится к утверждениям о морали (№ 4, 8, 15, 17), при этом между показателями морального релятивизма (MR)

[3] Здесь и далее для NP и других обобщенных показателей расчеты сделаны на основе нестандартизированных значений латентных переменных, которые, по сути, представляют собой среднее арифметическое взвешенное. Для каждого фактора показатели теоретически варьируют от 1 до 7.

Таблица 2

Утверждения и их показатели

№ утверждения	*Mo*	% «–»	% 0	% «+»
4	1	87,9	5,4	6,7
6	6	13,4	16,3	70,3
8	7	30,4	14,4	55,2
13	6	6,7	8,2	85,1
15	6	19,1	14,3	66,6
16	6	23,0	11,4	65,6
17	6	19,5	8,2	72,3
20	7	6,7	7,2	86,1

и морального реализма (MA) существует слабая значимая связь ($\rho_{MR \cdot MA} = -0{,}196$, $p < 0{,}001$). Еще два утверждения входят в уже упоминавшийся фактор A (№ 6, 13). Таким образом, остаются два утверждения, которые относятся к нормативным представлениям о психологии. Бóльшая часть российских психологов полагают, что психология должна развивать полипарадигмальные подходы (№ 16, постнеклассическое представление) и стремиться к строгости терминов (№ 20, не постнеклассическое представление). Отдельно можно отметить седьмое утверждение, связанное с необходимостью поиска общей теории. С ним согласны 52% респондентов ($Mo = 5$). Эти данные согласуются с результатами исследования Д. Доды и Дж. Мартина, которые на своей выборке также обнаружили, что психологи демонстрируют небольшой положительный сдвиг в сторону утверждения необходимости интеграции (Dawda, Martin, 2001).

Связи, полученные на общей выборке, приведены в табл. 3. В целом, матрица корреляций соответствует рассмотренной ранее формативной модели. Укажем, что, вопреки тезису К. Гергена, нормативная постнеклассичность оказалась связана не только с эпистемическим релятивизмом, но и с моральным, хотя сила этой связи существенно меньше.

Для фактора NP был проведен двухфакторный дисперсионный анализ, в котором в качестве независимых переменных использовались пол и возрастная группа. Единственный значимый результат был обнаружен для главного эффекта переменной «пол»: $F(1, 394) = 11{,}19$, $p < 0{,}001$. Апостериорный анализ выявил, что у мужчин ($\bar{x}_{NP} = 3{,}79$, $SD_{NP} = 0{,}93$) показатель нормативной постнеклассичности несколько ниже, чем у женщин ($\bar{x}_{NP} = 4{,}09$, $SD_{NP} = 0{,}82$), $t = 3{,}35$, $p < 0{,}001$. Также у мужчин ниже обобщенный показатель релятивизма ($t = 2{,}84$, $p < 0{,}005$). Однофакторный ANOVA с независимой переменной «ученая степень» значимых различий не выявил.

Для всех утверждений были проведены межгрупповые сравнения, в которых группирующими переменными последовательно выступили самоотнесение к тому или иному типу рациональности, наличие/

Таблица 3

Корреляционная матрица обобщенных показателей (ρ Спирмена)

Обобщенные показатели	NP	R	A	MR
NP	—			
R	0,457***	—		
A	–0,185***	–0,087	—	
MR	0,188***	0,255***	0,099*	—
MA	0,092	0,149**	0,180***	–0,196***

Примечание. *$p < 0{,}05$, **$p < 0{,}01$, ***$p < 0{,}001$.
NP – нормативная постнеклассичность, **R** – эпистемический релятивизм, **A** – эпистемический реализм, **MR** – моральный релятивизм, **A** – моральный реализм.

Таблица 4

Значимые различия между группами (тип рациональности)

№ утверждения	$p_{K\text{-}W}$	W, p_{DSCF}			*Mo*		
		C – NC	**C – PNC**	**NC – PNC**	**C**	**NC**	**PNC**
1	0,010*	W = –3,653, p = 0,048*	W = –4,424, p = 0,010*	W = –0,120, p = 1	5	4	4
7	0,035*	W = 1,965, p = 0,506	W = –1,853, p = 0,557	W = –3,758, 0,039*	6	6	5
14	< 0,001***	W = –4,114, p = 0,019**	W = –4,865, p = 0,003**	W = 0,389, p = 0,993	4	1	1
16	< 0,001***	W = 0,396, p = 0,992	W = 4,995, p = 0,002**	W = 4,229, p = 0,015*	6	6	7

Примечание. *p < 0,05, **p < 0,01, ***p < 0,001.
C – самоотнесение к классической научной рациональности (N = 69),
NC – самоотнесение к неклассической научной рациональности (N = 44),
PNC – самоотнесение к постнеклассической научной рациональности (N = 117).

уровень ученой степени и пол. Для первых двух переменных использовался критерий Краскела–Уоллиса с последующим попарным сравнением тестом Дуосса–Стилла–Критчлоу–Флингера (DSCF test), позволяющим проконтролировать ошибку первого рода. Для оценки различий между полами применялся U-критерий Манна–Уитни.

В табл. 4 приведены значимые различия для попарных сравнений групп респондентов, которые отнесли себя к одному из трех типов рациональности (при проведении теста DSCF учитывались все данные).

Как видно из приведенных данных, респонденты, относящие себя к классической научной рациональности («классики»), в большей степени, чем остальные, согласны с тем, что психология должна ориентироваться на естествознание. Представители неклассической («неклассики») и постнеклассической («постнеклассики») научной рациональности между собой по этому критерию не различаются. Также «классики» склонны занимать нейтральную позицию по поводу герменевтических методов, в то время как «неклассики» и «постнеклассики» определенно не согласны с тем, что следует препятствовать их проникновению в психологическую науку. «Неклассики» в большей степени, чем «постнеклассики», согласны с тем, что психологии следует стремиться к поиску общей теории, но от «классиков» по этому критерию они не отличаются. Наконец, единственным утверждением, по которому «постнеклассики» отличаются и от «неклассиков», и от «классиков», является тезис о том, что психологии следует развивать полипарадигмальные подходы и методологическую толерантность. С этим утверждением согласны все респонденты, но степень согласия «постнеклассиков» выше.

Вообще, можно зафиксировать противоречие, которое заключается в том, что большинство психологов, независимо от того, к какому типу научной рациональности они себя относят, одновременно признают необходимость поиска единой теории и развития полипарадигмальности, при том что между степенями согласия с этими утверждениями существует значимая отрицательная связь ($\rho_{7\cdot16}$ = –0,301, p < 0,001). Особенно сильно это противоречие в группах «классиков» (Z = –0,023, p = 0,982) и «неклассиков» (Z = –0,587,

$p = 0{,}558$), в которых оба этих нормативных представления одинаково сильны. В группе «постнеклассиков» оно ослабляется тем, что степень согласия с утверждением о полипарадигмальности значимо выше, чем с утверждением о стремлении к единой теории ($Z = -4{,}669$, $p < 0{,}001$). Вероятно, можно говорить о том, что внутри психологии выход к «постнеклассике» происходит через отказ от мечты о единой науке и утверждение примата методологической толерантности. «Классики» и «неклассики» же полагают, что можно, сохраняя и развивая полипарадигмальность, создать единую или, точнее, объединяющую теорию.

Что касается респондентов, которые не отнесли себя ни к одному из типов научной рациональности, то их профиль нормативных представлений в целом похож на профиль «классиков», за исключением того, что степень согласия с тем, что психология должна ориентироваться на естествознание, у них ниже ($W = -3{,}648$, $p = 0{,}049$).

Следующим этапом стала проверка различий между тремя групп респондентов: без ученой степени, со степенью кандидата наук и со степенью доктора наук (табл. 5). Отметим, что эти группы статистически достоверно различаются по возрасту ($F(2, 401) = 94{,}84$, $p < 0{,}001$; нет степени: $\bar{x} = 34{,}5$, $SD = 10{,}4$; канд. наук: $\bar{x} = 46{,}5$, $SD = 11{,}2$; д-р наук: $\bar{x} = 59{,}5$, $SD = 10{,}1$)), и, по-видимому, полученные различия стоит интерпретировать не только в контексте наличия той или иной ученой степени, но и общего академического стажа.

Из приведенных данных следует, что, во-первых, по сравнению с теми, у кого нет ученой степени, кандидаты и доктора наук менее склонны соглашаться с утверждением, что психология должна ориентироваться на естествознание. Возможно, это связано с тем, что в силу большего научного опыта они лучше видят своеобразие психологической науки. Между возрастом и степенью согласия с этим утверждением существует слабая значимая обратная связь ($\rho = -0{,}099$, $p = 0{,}046$).

Во-вторых, доктора наук больше кандидатов наук склонны соглашаться с тезисом, что психология должна стремиться к поиску единой теории. Отчасти это различие обусловлено незначительным падением (которое, однако, статистически незначимо) согласия с данным утверждением у кандидатов наук по сравнению с теми, у кого нет ученой степени. Если смотреть на возрастные группы, то оно приходится на группу респондентов 35–44 лет, после этого возраста начинается постепенный рост.

Таблица 5

Значимые различия между группами (наличие/уровень ученой степени)

№ утверждения	$p_{K\text{-}W}$	W, p_{DSCF}			*Mo*		
		No – PhD	**No – DSc**	**PhD – DSc**	**No**	**PhD**	**DSc**
1	0,011*	W = –4,187, p = 0,009**	W = –3,322, p = 0,049**	W = –0,274, p = 0,980	4	4	2 | 4
7	0,023*	W = –0,660, p = 0,887	W = 2,208, p = 0,263	W = 3,923, p = 0,015*	5	4	7
12	< 0,001***	W = –1,370, p = 0,596	W = –5,170, p < 0,001**	W = –4,490, p = 0,004**	5 | 4	4	2

Примечание. *$p < 0{,}05$, **$p < 0{,}01$, ***$p < 0{,}001$.
No – нет ученой степени (N = 62), **PhD** – степень кандидата наук (N = 259), **DSc** – степень доктора наук (N = 83).

Можно строить разные предположения по поводу того, почему так происходит. Один из вариантов объяснения состоит в том, что сомнение в возможности и необходимости построения единой теории является отражением более общего кризиса, который может возникнуть в середине научной карьеры (Entrekin, Everett, 1981). Вместе с тем нормативное представление ученых, начинающих свою научную карьеру, заключающееся в том, что психология должна стремиться к объединению, может быть достаточно наивным и опираться на веру в то, что единая теория в принципе возможна. Группа кандидатов наук, которая представлена учеными в середине своей научной карьеры, может более реально смотреть на ситуацию в психологической науке и, видя всю ее разобщенность, понимать бессмысленность требования построения единой теории. Наконец, представление докторов наук о том, что психология должна стремиться к единству, может опираться на идею, что это объединение должно происходить на некотором более высоком уровне. В этом контексте единство может трактоваться не столько как единственность, сколько как «гармония различного» (concinnity) (Giorgi, 1985).

Еще одно различие заключается в том, что доктора наук в существенно меньшей степени соглашаются с тем, что психология должна развивать идеи о конструировании реальности, при этом между возрастом ученых и степенью их согласия с этим утверждением существует значимая отрицательная связь ($\rho = -0{,}292$, $p < 0{,}001$). Возможно, эта связь отражает тенденцию, заключающуюся в том, что в психологическом сообществе идеи объективизма становятся менее популярными, в то время как конструкционизм и конструктивизм усиливают свое влияние. Соответственно, чем старше психолог, тем выше вероятность, что он поддерживает идеи объективизма.

Анализ различий между мужчинами и женщинами (табл. 6) в целом согласуется с полученным ранее результатом: у первых показатели нормативной постнеклассичности и релятивизма несколько ниже, они в большей степени, чем женщины, соглашаются с утверждениями № 7, 20 и в меньшей – с утверждениями № 2, 16, 19. Единственным исключением является постнеклассическое нормативное представление о том, что исследователь-психолог должен владеть «линзами», через которые он смотрит на мир, и уметь их произвольно менять. У мужчин уровень согласия с этим утверждением выше, чем у женщин.

Таблица 6

Значимые различия между группами мужчин и женщин

№ утверждения	U	*p*	r_{rb}	*Mo*	
				М	Ж
2	14406	0,019*	–0,146	4	5
4	20229	< 0,001***	0,199	1	1
7	21770	< 0,001***	0,290	6	5
16	14556	0,027*	–0,137	5	6
17	19384,5	0,016*	0,149	6	6
18	19048	0,038*	0,129	6	5
19	14036	0,007**	–0,168	2	6
20	19419,5	0,013*	0,151	7	7

Примечание. *$p < 0{,}05$, **$p < 0{,}01$, ***$p < 0{,}001$.

Также мы проанализировали различия в уровне нормативной постнеклассичности в контексте самоотнесения с той или иной психологической школой. В табл. 1 приведены наиболее популярные ответы респондентов, указавших только одну школу (N = 232). 109 человек указали две психологические школы, оставшиеся 63 человека – 3 и более (максимальное количество ответов для одного респондента – 6). Если говорить об общем количестве ответов, то их было получено 620, включая 16 ответов типа «ни к какой», «затрудняюсь ответить», «не знаю» и пр. Самые частые ответы приведены в табл. 7, в скобках указано количество упоминаний школы на первом месте.

Таблица 7

Наиболее часто упоминаемые психологические школы

Школа	N (n)	%
Гуманистическая	118 (77)	19,0
Культурно-историческая	115 (64)	18,6
Деятельностная	95 (71)	15,3
Когнитивная	83 (66)	13,4
Бихевиористская	36 (9)	5,8
Психоаналитическая	29 (23)	4,7
Остальные	144	23,2

Наиболее часто совместно назывались две пары: культурно-историческая / деятельностная школы (N = 31) и когнитивизм / бихевиоризм, включая когнитивно-поведенческий подход (N = 22).

Однофакторный дисперсионный анализ проводился дважды. В первый раз на группе респондентов, которая указала только одну психологическую школу; во второй раз – на всей выборке, при этом если респондент указал несколько вариантов, его относили к той школе, которая была названа первой. Сравнение проводилось для пяти школ с наибольшим количеством представителей (гуманистическая, культурно-историческая, деятельностная, когнитивная и психоаналитическая). Поскольку были получены практически одинаковые различия, далее приводятся результаты только первого анализа.

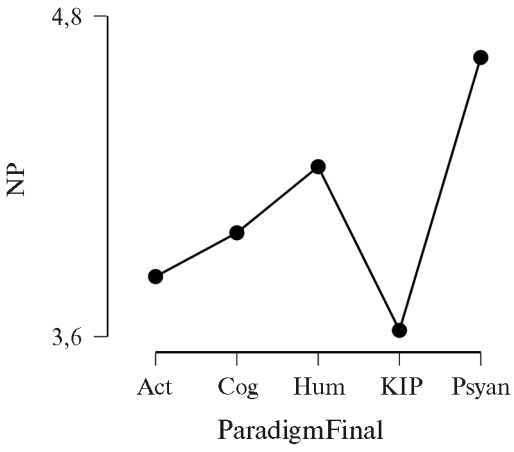

Рис. 2. Средние значения нормативной постнеклассичности (NP) для основных психологических школ
Act – деятельностная школа, **Cog** – когнитивная, **Hum** – гуманистическая, **KIP** – культурно-историческая, **Psyan** – психоаналитическая.

ANOVA показал, что между школами по уровню нормативной постнеклассичности существует значимое различие, $F(4, 164) = 6{,}62$, $p < 0{,}001$. Апостериорный анализ с помощью критерия Тьюки показал, что у представителей психоаналитического подхода нормативная постнеклассичность выше, чем у представителей любой другой школы, кроме гуманистической. Также существует значимое различие по этому параметру между представителями культурно-исторического и гуманистического подходов (рис. 2).

Эти результаты согласуются с проведенным нами ранее библиометрическим исследованием, которое показало, что идеи постмодернизма, который часто рассматривается как манифестация постнеклассической рациональности, пользуются наибольшей популярностью именно в психоанализе. Средний показатель нормативной постнеклассичности у сторонников психоанализа ($\bar{x}_{NP} = 4{,}64$) даже выше, чем у тех, кто относит себя собственно к постнеклассической рациональности ($\bar{x}_{NP} = 4{,}26$).

Также интересно следующее: несмотря на то, что в отечественной психологии концепция Л.С. Выготского не раз оценивалась как постнеклассическая, именно представители культурно-исторической школы показали наименьший уровень нормативной постнеклассичности. Отметим, что в работах М.С. Гусельцевой, на основе критериев которой были сформулированы нормативные представления, используемые в данной работе, Л.С. Выготский отнесен к представителям неклассического типа рациональности (Гусельцева, 2013).

Таблица 8

Значимые различия между представителями различных психологических школ

№ утверждения	$p_{K\text{-}W}$	p_{DSCF}
5	0,013*	KIP > Psyan ($p = 0{,}041$*)
8	0,001**	Act > Cog ($p = 0{,}006$**); Hum > Cog ($p = 0{,}010$*)
12	0,002**	Psyan > Act ($p = 0{,}004$**); Psyan > KIP ($p = 0{,}005$**)
16	0,035*	Hum > KIP ($p = 0{,}027$*)
17	0,022*	Cog > Hum ($p = 0{,}047$*)
20	< 0,001***	Cog > Psyan ($p = 0{,}003$**); KIP > Psyan ($p = 0{,}014$*); Cog > Hum ($p = 0{,}039$*)

Примечание. * $p < 0{,}05$, ** $p < 0{,}01$, *** $p < 0{,}001$.

Для всех утверждений были проведены межгрупповые сравнения между представителями различных школ с использованием критерия Краскела–Уоллиса и последующим попарным сравнением тестом DSCF.

Как видно из табл. 8, получено 10 пар различий по шести утверждениям. № 8 и 17 относятся к утверждениям о морали (три пары различий). В пяти из оставшихся семи пар присутствует психоаналитическая школа. В частности, представители психоанализа в большей степени, чем сторонники культурно-исторического и деятельностного подходов, согласны с тем, что реальность конструируется нашими интерпретациями, и в меньшей степени, чем сторонники когнитивного и культурно-исторического подходов, – что психология должна стремиться к строгости терминов.

Наконец, еще одна переменная, по которой различаются представители разных психологических школ, – это возраст, $F(4, 164) = 3{,}65$, $p = 0{,}007$. Попарный апостериорный анализ с с критерием Тьюки выявил одну пару со значимыми различиями – это когнитивизм ($\bar{x}_{Age} = 41{,}26$, $SD_{Age} = 10{,}9$) и культурно-историческая концепция ($\bar{x}_{Age} = 52{,}24$, $SD_{Age} = 11{,}1$), $t = 3{,}69$, $p = 0{,}003$.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведенное исследование показывает, что нормативные представления российских психологов о своей науке связаны с их полом, возрастом, самоотнесением к определенной психологической школе и рядом других факторов. Поскольку утверждения были сформулированы в контексте постнеклассической научной рациональности, их можно связать с имплицитным «зонтичным» вопросом: должна ли психология, по мнению самих психологов, быть постнеклассической наукой? Полученные данные, однако, не позволяют ответить на него ни положительно, ни отрицательно, так как среднее значение нормативной постнеклассичности, которая рассматривается в исследовании как формативный конструкт, фактически совпало с теоретической «нулевой точкой». Показательно, что при этом бóльшая часть респондентов, указавших свой тип научной рациональности, отнесли себя именно к постнеклассикам. Это может объясняться тем, что, как показывают результаты исследования, постнеклассицизм в психологии – это прежде всего акцент на полипарадигмальности. Эта установка отражает мнение большинства психологов не только в нашем исследовании, но и в экспертном опросе Института психологии РАН (Нестик, Журавлев, Юревич, 2016). 46% экспертов, которые приняли в нем участие, указали, что к 2030 г. психология, безусловно, останется мультипарадигмальной наукой; 36% – что она *скорее* останется мультипарадигмальной. Таким образом, если постнеклассси-

цизм – это в первую очередь полипарадигмальность, вряд ли должно удивлять то, что бóльшая часть психологов, указавших свой тип научной рациональности, отнесли себя именно к постнеклассикам. Еще раз отметим, что приблизительно 43% респондентов считают типологию научной рациональности непродуктивной.

Нормативным представлением, с которым было согласно больше всего психологов (≈ 86%), и при этом наиболее часто указывалась высшая степень согласия (≈ 42%), оказалось представление о том, что психология должна стремиться к строгости терминов. Возможно, это является отражением неудовлетворенности тем, что большинство понятий психологии продолжает оставаться метафорами, которым явно недостает строгости и точности научных конструктов. Стремление к строгости понятий нехарактерно для постнеклассической рациональности (Гусельцева, 2013), более того, это стремление в определенном смысле противоположно установке на полипарадигмальность, которая предполагает миграцию понятий из одной парадигмы в другую, сопровождающуюся сменой или коррекцией их значения. Если учесть, что 52% психологов согласны с тем, что необходимо пытаться построить единую теорию, возникает довольно противоречивая картина того, какой должна быть психологическая наука.

Однако выявленные общие особенности не должны делать незаметным «скрытое под ними разнообразие внутри психологической науки» (Dawda, Martin, 2001, p. 174). Подобно тому как дескриптивные представления о психологии в исследовании Д. Доды и Дж. Мартина оказались связаны с различиями между отдельными психологическими отраслями, мы обнаружили, что нормативные представления зависят от того, в рамках какой школы работает психолог. Наиболее высокий уровень нормативной постнеклассичности характерен для тех, кто относит себя к психоанализу. Нормативные представления связаны также с возрастом и ученой степенью психолога. Кроме того, существуют гендерные различия: в целом для мужчин чуть менее характерны нормативные представления, которые соответствуют постнеклассической рациональности.

Важно отметить, что проведенное исследование имеет несколько *ограничений*. Во-первых, существуют факторы, которые могли повлиять на репрезентативность выборки. Данные о потенциальных респондентах извлекались преимущественно из базы РИНЦ, соответственно, исследование охватывает в первую очередь психологов, которые работают в академической сфере. Стоит указать, что ≈ 39% ответивших отнесли себя исключительно к исследовательской психологии, ≈ 9% – к практической, а оставшиеся ≈ 52% – к обеим (при этом значимых различий между первыми и вторыми обнаружено не было). Кроме того, смещение выборки могло возникнуть в силу того, что исследование проводилось в онлайн-форме и были получены ответы менее чем от трети потенциальных респондентов. В итоговой выборке, однако, сохранилось соотношение по полу, характеризующее потенциальную выборку, а сами респонденты представляют разные научные школы и отрасли психологии, возрастные группы и федеральные округа России.

Во-вторых, исследование ограничено использованным перечнем нормативных представлений. Очевидно, что этот перечень может быть существенно расширен и полученные результаты не претендуют на описание всей картины того, какой должна быть психологическая наука с точки зрения российских психологов.

В-третьих, проведенное исследование имеет дескриптивный характер и не позволяет ответить на вопрос, почему сложилась именно та картина нормативных представлений, которая была выявлена.

Возможные интерпретации, которые были даны в ходе обсуждения результатов, не позволяют исключить альтернативных объяснений, поэтому необходимо продолжать как квантитативные, так и квалитативные исследования в этой области.

1. *Гусельцева М.С.* Эволюция психологического знания в смене типов рациональности: историко-методологическое исследование. М.: Акрополь, 2013.
2. *Журавлёв А.Л., Юревич А.В.* Введение // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, А.В. Юревич. М.: Ин-т психологии РАН, 2007. С. 7–12.
3. *Зимбардо Ф., Нестик Т.А.* Интервью с Филиппом Зимбардо о будущем социальной психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1 (5). С. 214–219.
4. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л., Юревич А.В.* Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Ярославский педагог. вестн. 2016. № 5. С. 177–192.
5. *Нестик Т.А., Новикова О.В.* Долгосрочная ориентация психологов-исследователей и их представления о будущем психологии // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Никитина, Н.Е. Харламенкова. М.: Ин-т психологии РАН, 2019. С. 552–560.
6. *Райл Г.* Понятие сознания. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
7. *Фёдоров А.А.* Постнеклассическая психология и псевдонаука: реалистическая перспектива // Вопр. филос. 2020. № 7. С. 93–103.
8. *Boghossian P.A.* Fear of knowledge: against relativism and constructivism. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
9. *Borsboom D., Mellenbergh G.J., van Heerden J.* The theoretical status of latent variables // Psychol. Rev. 2003. V. 110. N 2. P. 203–219.
10. *Bunge M.* Realism and antirealism in social science // Theory and Decision. 1993. V. 35. N 3. P. 207–235.
11. *Cohen D.* Psychologists on psychology. L.: Routledge & Kegan Paul, 1977.
12. *Dawda D., Martin J.* Psychologists on psychology: The inquiry beliefs of psychologists by subdiscipline, gender, and age // Review of Gen. Psychol. 2001. V. 5. N 3. P. 163–179.
13. *Entrekin L.V., Everett J.E.* Age, and midcareer crisis: An empirical study of academics // J. of Vocational Behav. 1981. V. 19. N 1. P. 84–97.
14. *Evans R.I.* The making of social psychology: discussions with creative contributors. N.Y.: Gardner Press, 1980.
15. *Forsyth D.R.* A taxonomy of ethical ideologies // J. Pers. and Soc. Psychol. 1980. V. 39. N 1. P. 175–184.
16. *Friedrich J.* Assessing students' perceptions of psychology as a science: Validation of a self-report measure // Teaching of Psychology. 1996. V. 23. N 1. P. 6–13.
17. *Gergen K.J.* The social constructionist movement in modern psychology // Amer. Psychologist. 1985. V. 40. N 3. P. 266–275.
18. *Giorgi A.* Theoretical plurality and unity in psychology // The Psychological Record. 1985. V. 35. N 2. P. 177–181.
19. *Pečjak V.* Znameniti psihologi o psihologiji. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1982.
20. *Pölzler T.* How to measure moral realism // Review of Philosophy and Psychology. 2018. V. 9. N 3. P. 647–670.
21. *Sarstedt M.* et al. How to specify, estimate, and validate higher-order constructs in PLS-SEM / Sarstedt M., Hair J.F., Cheah J.-H., Becker J.-M., Ringle C.M. // Australasian Marketing J. 2019. V. 27. N 3. P. 197–211.

References in Russian:

1. *Guseltseva M.S.* Evolyuciya psikhologicheskogo znaniya v smene tipov racional'nosti: istoriko-metodologicheskoe issledovanie [Evolution of psychological knowledge in the change of types of rationality: historical and methodological research]. M.: Akropol, 2013.
2. *Zhuravlyov A.L., Yurevich A.V.* Vvedenie // Teoriya i metodologiya psikhologii: Postneklassicheskaya perspektiva [Theory and methodology of psychology: A post-nonclassical perspective] / Otv. red. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. M.: Institut psikhologii RAN, 2007. S. 7–12.
3. *Zimbardo F., Nestik T.A.* Interv'yu s Filippom Zimbardo o budushhem social'noj psikhologii [Interview with Philip Zimbardo about the future of social psychology] // Institut psikhologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. 2017. T. 2. N 1 (5). S. 214–219.
4. *Nestik T.A., Zhuravlev A.L., Yurevich A.V.* Prognoz razvitiya psikhologicheskoj nauki i praktiki k 2030 g. [The forcast of psychological science and practice development by 2030] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2016. N 5. S. 177–192.
5. *Nestik T.A., Novikova O.V.* Dolgosrochnaya orientaciya psikhologov-issledovatelej i ikh predstavleniya o budushem psikhologii [Long-term orientation of researchers in psychology and their representations about the future of psychological science] // Metodologiya, teoriya, istoriya psikhologii li-

chnosti / Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.A. Nikitina, N.E. Kharlamenkova. M.: Institut psikhologii RAN, 2019. S. 552–560.
6. *Ryle G.* Ponyatie soznaniya [The concept of mind]. M.: Dom intellektual'noj knigi, 1999.
7. *Fedorov A.A.* Postneklassicheskaya psikhologiya i psevdonauka: realisticheskaya perspektiva [Post-nonclassical psychology and pseudoscience: a realistic perspective] // Voprosy filos. 2020. N 7. S. 93–103.

Приложение

Список утверждений

1. Психология должна ориентироваться на естествознание, в частности теоретическую физику.
2. Для каждого научного утверждения существуют аргументы, доказывающие, что есть противоположное ему утверждение, которое не хуже или даже лучше.
3. В науке, в частности в психологии, следует поощрять выбор ученым методологии исследования в зависимости от его личных предпочтений.
4. Нет таких этических принципов, которые настолько важны, что должны быть частью любого этического кодекса.
5. Лейтмотивом психологии является овладение человека своим поведением.
6. Мир существует независимо от нас, и он познаваем.
7. Психологии следует стремиться к поиску общей теории.
8. Существуют моральные факты и истины, чье существование и природа независимы от наших убеждений в том, что правильно, а что нет.
9. Истина, как и красота, в глазах смотрящего.
10. Главным принципом психологии должно быть не вмешательство в реальность, а благоговение перед развитием.
11. Этические суждения описывают объективные характеристики мира, поэтому могут оцениваться по степени их истинности.
12. Психология должна развивать идеи о том, что реальность не объективна, а сконструирована нашими интерпретациями.
13. Наука, пусть она и подвержена ошибкам, неуклонно приближает нас ко все более полному и истинному пониманию мира.
14. Следует препятствовать проникновению герменевтических методов в психологическую науку.
15. Разные системы моральных принципов нельзя сравнивать по степени их «правильности».
16. Психологии следует развивать полипарадигмальные подходы и методологическую толерантность.
17. То, что является этичным, меняется в зависимости от общества и ситуации.
18. Исследователь-психолог должен владеть «линзами», через которые он смотрит на мир, и уметь их произвольно менять.
19. Не существует объективных и универсальных научных истин.
20. Психология должна стремиться к строгости терминов.

Поступила в редакцию 8. IV 2020 г.